

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ЖИЛИЩА «ТУРА» У ХАКАСОВ

Рассматривается проблема происхождения и развития автохтонных жилищ срубных конструкций у хакасов. Данная тема является малоисследованной в хакасской этнографической науке. Результаты исследования на основе приведенного письменного, этнографического, археологического материала позволяют считать срубные деревянные однокамерные отапливаемые жилища хакасов типа «тура» и многоугольные юрты без чердачной крыши и с земляным полом – автохтонными как для хакасов, так и для некоторых коренных народов Саяно-Алтая. Время бытования таких жилищ у хакасов прослеживается в период XVIII в.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинский край; традиционные жилища народов Саяно-Алтая; «тура»; срубная юрта; жилища тагарского населения; хакасы; русские.

В проблемных вопросах развития и эволюции традиционных жилищ народов Саяно-Алтая особое место занимает вопрос автохтонности и архаичности происхождения жилищ срубных деревянных конструкций. Проблема существования и развития срубной техники строительства у хакасов на сегодняшний момент времени актуальна в силу своей хронологической неопределенности возникновения.

Цель статьи: на примере этнографических и археологических данных рассмотреть проблему времени возникновения и развития жилища *тура* в материальной культуре хакасов.

Задачи исследования: выявить конструктивные особенности жилища типа *тура*, определить время перехода коренных народов Саяно-Алтая к жилищам подобного типа, сопоставить археологические данные по жилищам срубных конструкций тагарского населения с этнографическими данными по жилищам срубного типа у хакасов.

Этнографической базой, содержащей сведения о жилищных срубного типа, являются материалы из путешествий и экспедиций в Хакасско-Минусинском крае (далее – ХМК) и сопредельных территорий. В 1741 г. от низовьев до верхнего течения Чулыма в рамках экспедиции проехал И. Фишер, который оставил описания жилищ чулымских татар¹, живших в зимних и летних юртах, а некоторые, наподобие русских, уже в черных избах, имеющих окна из свиного или бычьего пузыря, иногда закрытые куском льда [1. С. 171]. И.Г. Георги, описывая образ жизни чулымских татар, называет их зимние жилища «избы». Характеризуя «всегдашние зимние деревни и подвижные летние юрты», он отмечает, что «деревни» состоят обыкновенно из одного только семейства, «почему большая половина деревень их малы, однако в иных есть больше ста, а в одной при Чулыме лежащей из 240 душ». Зимнее и летнее жилище он сравнивает с жилищами барабинских татар². Зимнее жилище сооружалось из тонкого строевого леса, имело сени, отверстие в потолке³. Стены жилища делали «наискось или покато»⁴, а для утепления снаружи они заваливались землей. Около изб строили чуланы (видимо, кладовые. – Е.П.) и «клевы» (помещение для скота. – Е.П.). «Летние юрты» покрывались берестой. Скромная утварь жилища изготавливалась в основном из дерева, коры или кожи. [2. С. 144–145]. Н.Н. Козьмин, ссылаясь на П.С. Палласа, отмечает

строительство кызыльцами в XVIII в. изб примитивного типа – в виде ящика из тонких бревен. Аналогичные упоминания имеются у князя Кострова относительно качинцев. Зависимость имущественной дифференциации коренных жителей от типа жилищ отмечал также губернатор Енисейской губернии А.П. Степанов, описывая низкие, плохо прикрытые срубы, с бедной обстановкой внутри. Жилища эти служили зимним вариантом жилищ для бедных аборигенов [3. С. 123]. Н.Н. Козьмин делает вывод, опираясь на свидетельства П.С. Палласа, путешествовавшего в регионе, что из-за близкого расположения богатых автохтонов к русским властям они имели построенные дома русского типа, но это имело, по его мнению, показной характер, а не показательный (т.е. дающий основание для выводов. – Е.П.) [Там же. С. 169]. Этнограф Николай Костров в середине XIX в. отмечал наличие у кызыльских татар деревянных юрт (рис. 1), которым он дает привычную для русской материальной культуры номинацию дом [4. С. 15]. Вероятно, предположить, что данная номинация возникла на основе уже бытовавшего в языке хакасов слова, имевшего в их быту реальное воплощение в виде жилища срубной конструкции.

В истории развития традиционных жилищ хакасов к середине XIX в. происходит исчезновение войлочной и берестяной юрты⁵, что приводит к появлению переходной формы рубленной бревенчатой юрты – округленной конической дощатой, без корьевого покрытия или же жердевой, крытой поверх корой лиственницы или березы [6. С. 28–29]. Описывая домашний быт кызыльцев, как приобретший черты русского крестьянского быта, Л.П. Потапов пишет, что многоугольные юрты встречались редко и только как летнее жилище, а их строительство прекратилось уже с половины XIX в. [7. С. 193]. Позднее переходные формы юрт исчезают у всех хакасов совсем, что обычно связывается с влиянием русской культуры и переходом от скотоводства и охоты к земледельческому быту, основанному на оседлости. Изменение быта привело к потребности обладания новым жилищем – *турой*, которое первоначально встречалось на зимниках у баев, что отвечало характеристике престижности их владения, а позднее стало распространяться повсеместно и массово. Распространение *туры* влекло заимствование новой техники строительства – врубке по углам горизонтально положенных бревен друг в друга [6. С. 29].

Рис. 1. Юрта Марии Тюдешевой. Аал Перевозное Аскизский район Республика Хакасия. Сентябрь 1984 г.
(рисунок художника Н. Учкиной из личного архива А.И. Поселянина)

В хакасском языке появление номинации «тура»⁶ обычно связывается с первыми домами срубной конструкции, заимствованными из русского быта. Данная особенность отражена в преданиях бельтыров, которые свидетельствуют о времени появления «тур». В одном из преданий повествуется о сыне Коркияка, которого звали Турачак (от слова «тура» – домик). Это был человек, который родился в доме, чем и объясняется происхождение его имени. От предка Кан Сюлю до Турачака насчитывалось одиннадцать колен, и девять колен со времени признания над собой власти Белого царя. Значит, по расчетам Ю.А. Шибаевой, появление дома у бельтыр датируется концом XVIII в. [6. С. 4]. Слово «тура» использовалось в хакасском языке для наименований острогов и городов в регионе и в целом для Сибири: Сойан-тура – Саянский острог (1718 г.), Арыйт-тура – форпост Арбаты (1758 г.) Том-тура – г. Томск (1604 г.), Аба-тура – Кузнецк (1618 г.); для названий деревень: Тес-тура – д. Тесь (Минусинский р-н), Аҕбан-тура – с. Абаканское (первое поселение русских в ХМК); для особенностей географических мест региона: Тура Хол – лог со скалами в виде домов, Туралыҕ аас – крепостной склон в центре горного массива Б. Оглахты [9. С. 16–17, 26, 108, 126, 134, 139]. Деревянные постройки в сравнении с переносной юртой соответствовали характеристике укрепленного постоянного здания, что отражено в языке. Приведенные факты, конечно, отражают зависимость применения слова *тура* от уже бытующих материальных объектов строительной практики русского зодчества, но объясняют бытование термина отчасти, как и время его появления.

Этнограф Ю.А. Шибаева, изучавшая историю хакасского жилища, переходными формами к современному дому русского типа считала землянки-зимники «чир-иб» и рубленые юрты с земляным полом и купо-

лообразной корьевой крышей. У сагайцев в таежной части Аскизского района землянки⁷ имели вид небольших избушек с земляным полом. Стены были бревенчатые, уложенные горизонтально из бревен, укрепленных в угловые столбы, или были рубленными. Стены жилища были поставлены прямо на землю. Крыша делалась из досок, засыпанных сверху землей. Очагом служил «соол» с трубой, установленный в северо-восточном углу и имеющий открытое спереди устье. Окна землянки были из бычьего пузыря. Эти землянки представляли наземные постройки и были таковыми условно, им Ю.А. Шибаева дает определение, что это «скорее дома (*тура*) с земляным полом и примитивным очагом» [6. С. 7–8]. Позднее появление дощатых полов в деревянных жилищах связывается именно с влиянием русской культуры. Изготовление срубных жилищ в таежной части региона требовало учета природно-географических условий местности, что во многом определяло типологию такого деревянного жилища, а его распространение было обусловлено традициями не только русского деревянного зодчества.

Существование специальной терминологии и бытование плотницких инструментов у аборигенного населения региона свидетельствует о сложившейся традиции деревянного домостроения: «Тартхы» – скобель для снятия коры с дерева, «Адылҕа» – тесло, «Иге» – пила, «Толаткы» – долото, «Кирее» – пила лучковая [8. С. 115, 177, 321, 597, 642]. При изготовлении деревянных юрт хакасами использовался вид топорика «курук», которым ранее, до появления русского топора, велась вся плотничья работа. Этот топорик применяли при заготовке досок, когда раскалывали им дерево на 2–3 доски вдоль, таким образом заготавливая с его помощью дранье для покрытия крыш. На момент сбора полевых материалов (среди-

на XX в.) его использование было отмечено в таежных районах Таштыпского района [6. С. 31]. Использование хакасами специальных плотницких инструментов для обработки древесины, сохранившихся в период массового распространения жилищ традиционного русского типа, также позволяет нам говорить о дорусской традиции деревообработки хакасов в таежных районах ХМК, что подтверждает мысль об автохтонности их срубных жилищ.

Таким образом, не имея достаточно четких этнографических данных о бытовании жилищ срубного типа, типичных для хакасов, все же можно констатировать, что в их восприятии наименование «*тура*» было им близко по причине подобности собственных квадратных срубных жилищ традиционным жилищам русского населения. Отсюда и перенос части конструктивных и функциональных признаков *туры* на жилища срубного типа, например, срубных многоугольных юрт. Для жилища типа «*тура*» к исконным местным особенностям можно отнести следующие черты: возможность частичного углубления постройки в землю, небольшой размер и квадратность сруба, его малая высота и однокамерность, отсутствие потолка, плоское покрытие-накат, кровля из бересты и земли (дерна), рубка в охряпку и без паза вдоль бревна, неровные торцы бревен (работа без пилы), внутренняя промазка глиной пазов стен и самих стен, малое окно-два (изначально – их отсутствие), земляной или выстланный плахами пол, нары или лавки вдоль стен, чумал сбоку от двери [10. С. 15].

Этнографы и ряд других специалистов склонны считать, что деревянные жилища хакасов и в целом народов Саяно-Алтая есть влияние русской культуры домостроительства. Мнение, что срубные дома хакасов появились с середины XVIII в. под влиянием русского народного зодчества [11. С. 33], является устоявшимся. «Почвой» для его существования является отсутствие упоминаний в исторических источниках о явно выраженных срубных деревянных жилищах автохтонов ХМК и стереотип восприятия их кочевого образа жизни в связи с жизнью в юрте.

Для территории ХМК, ставшей местом проникновения сюда ученых с первой четверти XVIII в., подобное восприятие может быть объяснимо их интересами. Традиционные жилища хакасов – юрты – стали для прибывших в регион путешественников и исследователей преимущественно распространенным маркером этнической культуры коренного населения⁸. Можно предположить, что жилища аборигенов срубных конструкций, видимо имевших распространение в пред- и таежной части, как правило, не попадавших во внимание путешественников-исследователей⁹, в связи со спецификой пролегания как основных маршрутов¹⁰, так и нахождением основной части населения в степи, не вызывали у них должного внимания по причине схожести с деревянными домами представителей пришлых славянских и иных культур. Тогда и сейчас устоявшееся мнение об основном традиционном жилище хакасов – юрте и ее преобладании – укреплялось спецификой этнических контактов в пределах традиционного безлесного ареала территории

расселения этноса и специфике его хозяйствования. Однако природно-географические особенности ХМК, резко-континентальный климат, природные условия таежных мест региона не могли не привести к появлению срубных деревянных жилищ.

Проблемам изучения истории жилищ коренных народов Саяно-Алтая посвящены работы: Н.Н. Харузина [13], А.А. Попова [14], С.А. Вайнштейна [15], Е.М. Тошчакова [16. С. 63–124], С.Н. Тихонова [17], З.П. Соколова [18], В.Я. Бутанаева [19. С. 69–80]. В ряде этих работ выражено мнение, что более правильной представляется концепция об автохтонном и архаичном происхождении деревянного жилища у многих народов Южной Сибири. В пользу данной концепции свидетельствует язык. Так, на примере языка западных бурят, в котором отсутствует лексика, связанная с войлочным жилищем, а термины, обозначающие части деревянной юрты, имеют мало общего с терминами, имеющими отношение к деревянному жилищу, делается вывод об автохтонности деревянного жилища. Термины, относящиеся исключительно к деревянному жилищу, это подтверждают: «*тура*» – изба, «*соол*», «*ооер*» – пол, «*ноин модон*» – матица, «*хана*» – стены дома [20. С. 305]. Еще К.В. Вяткина, исследуя сходство ряда черт материальной культуры у западных бурят и южных алтайцев и задаваясь вопросом их появления, обратила внимание на внешнее сходство конструктивных особенностей традиционных жилищ этих этносов. Временем перехода к многоугольной срубной форме жилища в среде народов Саяно-Алтая (бурят, хакасов, алтайцев) она считает период сокращения пастбищ и переход на оседлость [21. С. 23]. Появление срубных жилищ могло произойти задолго до знакомства с русской строительной культурой. Так, З.П. Соколова деревянную юрту бурят относит к группе автохтонных срубных сооружений, свойственных культуре народов Южной Сибири в целом [18. С. 141]. Е.М. Тошчакова, С.Н. Тихонов жилища бревенчатого срубного типа у алтайцев также считали традиционными (в значении автохтонных) для этих народов [16. С. 108–109; 17. С. 60]. Таким образом, данные факты позволяют нам говорить об автохтонности срубных юрт в целом для коренных этносов Саяно-Алтая, а представление об определяющем влиянии русского деревянного зодчества на строительную культуру аборигенного населения региона требует своего пересмотра. На наш взгляд, деревянное срубное зодчество у автохтонов имеет в регионе еще более древнюю традицию, уходящую своими корнями в археологическое прошлое региона.

Обращение к наиболее консервативной похоронно-поминальной части традиционно культуры коренного населения ХМК позволяет принять во внимание сведения о срубных конструкциях ряда погребений хакасов. Они есть вариант воплощения в могильных сооружениях конструктивных элементов реальных жилищ этнографического периода, а владение техникой возведения конструкций из дерева (срубного типа) воплощено в срубе (доме мертвых), устанавливаемых на могилах погребений коренных жителей региона [22. С. 181] (рис. 2).

Рис. 2. Надмогильная постройка сагайцев улуса «Базинская Бая» (рисунок В.Е Прищепа)

В последующие эпохи у хакасов дома мертвых, в которых согласно представлениям обитала душа погребенного, в традиционном народном сознании ассоциировались с реальными постройками. Так, у бельтыр в XIX в. Н.Ф. Катановым была записана легенда о существовании чудского народа, курганы которых являлись их жилищами, державшимися на подпорах. Когда выросла белая береза, то чудский народ сказал: «Родился Белый Царь (т.е. русский царь). Чем нам жить с ним, лучше наложим на себя руки!» С этими словами чудский народ подрубал подпоры своих жилищ и был задавлен в них под весом земель, которая была на крышах [23. С. 56]. Некоторые черты обряда захоронения умершего человека у койбалов имитировали черты курганных сооружений: могилу умершего после засыпания земель обкладывали с боков каменными кучами [Там же. С. 70]. Погребальные сооружения таким образом в уменьшенном виде повторяли конструкцию современных им жилищ, причем типа тура.

Исследователями отмечено, что надмогильные сооружения в обрядовой практике тюрков Саяно-Алтая ассоциируются с домом, жильем человека в ином мире. Поэтому, например, верховские шорцы внутри погребальной камеры ставили сруб или сооружали жердяной помост, низовские шорцы аналогичный сруб с плоской крышей ставили над могильным холмом [24. С. 127]. Восприятие и ассоциация с жилыми постройками надмогильных сооружений этносов Саяно-Алтая выступает явлением общим для них.

В отечественной археологической науке сложилось устоявшееся мнение, что в основе архитектуры погребальных сооружений лежит традиция домостроения [25. С. 59; 26. С. 56; 27. С. 215; 28. С. 215; 29.

С. 27–28; 30. С. 13; 31. С. 28–30]. Находки погребальных археологических срубных конструкций – яркий пример и свидетельство этому.

Уникальный памятник региональной наскальной культуры тагарского времени – Боярские писаницы – свидетельствуют об общности материальной и духовной культуры, сложившейся в регионе ко времени его создания (II в. до н.э. – первая половина I тыс. н. э. [32. С. 96]. В числе изображений на Писаницах одно из особых мест занимают деревянные срубные дома (рис. 3). Проблеме интерпретации типологически разных жилищ Боярских писаниц и их сопоставлению с похожими традиционными жилищами хакасов посвящена наша работа [33].

Жилища явно срубного типа на петроглифах сопоставимы с известными типами срубных построек аборигенного населения этнографического периода. В.Г. Карцов отмечал, что у жилищ на Боярских писаницах концы фасадных стропил выступают вверх и перекрещиваются, что напоминает избушки на могилах сагайцев. Качинцы могилы покойников обкладывали плитами, а богатые делали деревянные голбчики (надмогильные памятники в виде срубов) и ставили кресты или простые столбики в зависимости от того, был умерший крещен при жизни или нет [34. С. 112].

Как и у хакасов, в изготовлении жилища представителями тагарской культуры отмечено широкое использование дерева: для кровли – коры деревьев, для остова и срубных конструкций – в основном лиственницы. Существование жилищ срубной конструкции в эпоху тагарской культуры вполне может быть обусловлено высоким уровнем развития деревообработки. Древние горные выработки тагарцев, обильно

представленные в Минусинской котловине, свидетельствуют о большой роли и распространенности

металлоизделий из бронзы, меди и не ранее III в. до н.э. из железа в быту тагарцев [35. С. 139].

Рис. 3. Малая Боярская писаница. Жилище срубного типа (фото автора; без масштаба)

Развитая деревообработка позволяла им строить срубные деревянные сооружения. В отношении срубных жилищ мы можем сказать это менее утвердительно (исходя из малого количества сохранившихся срубов тагарских жилищ¹¹). Однако деревянные конструкции погребальных камер в виде срубов, рубленых «в лапу», «в обло», горбыль, и изготовление тонких досок – являются свидетельством высокого профессионализма в деревообработке. Применение в технологии строительства топоров бронзовых, проушных (плоскообушных и фигурнообушных) [36. С. 131] осуществлялось как для погребальных сооружений, так и для изготовления жилых домов.

Бытовые памятники тагарской культуры в настоящее время археологами изучены слабо, а обнаруженные археологами поселения и исследованные ими жилища с хозяйственными постройками немногочисленны. Эти причины, а также наземный характер жилищ, с одной стороны, не позволяют в полной мере реконструировать облик тагарского жилища (в том числе и срубного). Но, с другой стороны, позволяют одним из типов построек наземного срубного типа, конструктивно напоминающих устройство деревянных поминальных сооружений, считать срубные деревянные жилища [37; 38. С. 96; 39; 10].

Отмеченное сходство конструкций жилищ и погребальных сооружений в Сибири [18. С. 184; 40. С. 16–17, 48] закономерно подтверждает мысль о том, что если погребальные сооружения отличаются сложностью конструкции, то вполне и более вероятно, что подобные конструкции могли быть использованы или повторялись в реальных постройках этого населения. Например, изготовление бревенчатого сруба методом «в лапу», «в обло» практиковалось древними тагар-

цами при захоронениях своих соплеменников. Э.Б. Вадецкая предполагает, что гробницы тагарцев изготавливались по типу жилых домов тагарцев: «Это были полуземлянки, стенки которых укреплены тонкими бревешками, поставленными вплотную друг к другу... Вплотную к тыну ставили сруб, наподобие избы, с дощатым полом и потолком. Яму закрывали несколькими накатами бревен, поверх них берестой, иногда плитками и всегда брикетами дерна. Покойников клали на пол, а в случае особенно большого числа укладывали или рассаживали на полати из досок или бревен, вставленных в щели между нижними венцами сруба. Полати – лежаки устраивали с двух или трех сторон сруба» [41. С. 70]. Погребальные камеры могли быть имитацией жилищ, вплоть до воссоздания его внутренней интерьеры, поэтому маловероятно, что такая сложная техника изготовления погребальных конструкций в виде «домов» в гробницах у тагарцев не была востребована при реальном изготовлении жилищ. Поэтому многочисленность погребальных камер срубного типа с полами и перекрытиями позволяет утверждать об явно устойчивой традиции деревянного строительства рубежа середины I тыс. до н.э.

Имеющаяся совокупность из данных археологических и этнографических материалов, наскальных изображений с большей долей вероятности позволяет реконструировать жилища срубного типа, представленных на писаницах. У народов Саяно-Алтая хронологически бытование деревянных домов отмечено на Алтае – пазырыкская культура [27. С. 56; 42. С. 257; 43. С. 37, 45], Тыве и Северо-Западной Монголии – уюкская культура [40. С. 16–17, 48], в Хакасии, в рассматриваемой нами тагарской культуре (VIII–II вв. до н.э.). Привлечение данных археологии в подтверждение срубной конструкций этих жилищ происходит

через обращение к погребальным конструкциям сооружений. По мнению И.Л. Кызласова, обращение к ним с учетом стадильности присущего им символизма вполне сопоставимо для раннего железного века, когда жилище воспроизводилось в конструкции могил, а курганные постройки воссоздавали облик Вселенной [44. С. 96].

Используемые нами этнографические материалы по культуре хакасов для возможностей сопоставления материала по типам, конструктивным и пространственным особенностям жилищ и образа жизни рассматриваемых народов Хакаско-Минусинской котловины этнографических и археологических эпох, обусловлено схожестью условий их образа жизни в Минусинской котловине. В этой связи сопоставление основных типов жилищ и схожесть хозяйственной деятельности представляется для нас возможными и вполне закономерно обусловленными. Жилище, как наиболее устойчивая сфера материальной культуры, позволяет нам сопоставлять жилые постройки тагарской культуры (срубного типа) с конструкциями известных этнографических типов жилищ коренных народов Саяно-Алтая, в частности, для чулымских татар, кызыльцев, качинцев, бельтыр, сагайцев.

Анализ ареала этнографических аналогий жилищ типа «тура» у народов Саяно-Алтая и специфика срубных конструкций всех археологических культур

раннего железного века Саяно-Алтайского нагорья (пазырыкской на Горном Алтае, уюкской в Тувинской котловине и Северо-Западной Монголии, тагарской в Хакаско-Минусинской котловине) свидетельствуют об актуальности данной проблемы¹² и необходимости дальнейшего изучения генезиса жилища *тура* в системе традиционного жизнеобеспечения.

Таким образом, развитие и существование жилища типа «тура» у хакасов имело место в районах таежной местности, но по причине отсутствия прямых упоминаний в источниках не было известно. Жилища срубных конструкций типа многоугольных однокамерных юрт или *тура*, как у русского населения, но без чердачной крыши и с земляным полом (как правило) следует считать автохтонным для хакасов. Начало влияния русского деревянного зодчества на развитие в дальнейшем хакаского жилища типа «тура» хронологически соответствует периоду XVIII в. и заключается в изменении, в последующем времени, архитектурных форм этого жилища. Данное влияние в конструктивном отношении отразилось на генезисе традиционного жилища хакасов, что в процессе исторического развития в регионе привело к изменению устройства крыши, полов, планиграфии, системы освещения и отопления и в конечном итоге исторического развития привело к бытованию домов русского типа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Потомки мелечских татар. Тюрский народ, название происходит от реки Чулым (приток Оби). Позднее в большей степени ассимилировались с хакасами и русскими.

² Коренное тюркоязычное население Барабинской степи части междуречья Оби и Иртыша.

³ Описывая зимние жилища барабинских татар, И.Г. Георги упоминает отверстие в потолке и дает его функциональное применение, которое заключается в «исхождении пара», для освещения жилища, но также «сколько для того, чтобы в случае великих метелей из хижины вылезать на двор сим отверстием и опрастывать (очищать, освобождать от снега. – Е.П.) двери» [2. С. 114].

⁴ «Покато» – в значении наклана, например в сторону сужения крыши. Если с вариантом изготовления стен жилищ «покато» более понятно, то вариант «наискось», видимо, следует соотносить с характеристикой жилища, в котором количество стен более четырех. Принимая во внимание такой вариант трактовки, следует воспринимать данное жилище, как жилище, у которого остов имел многогранную форму.

⁵ Данный период времени следует считать временем появления бревенчатой юрты у кызыльцев. У качинцев переход состоялся во второй трети XIX в., в это же самое время и у сагайцев, бельтыр, койбал, позднее у шорцев [5. С. 114–115; 6. С. 29].

⁶ «Тура» в значении – здание, дом, изба. «Улас тура» – пятистенный дом [8. С. 677]. Ю.А. Шибаева, считая тура общехакасским названием дома, возводит это слово от глагола «*турарга*» (общетюрский термин) – стоять.

⁷ Имели номинации: «*чир тура*», «*кичиг тура*» или «*чир иб*» [6. С. 7].

⁸ Путешественники обычно в новых местах поражает то, что является для них незнакомым и необычным, например, белые юрты, покрытые сверху березовой корой. Географ-путешественник П.А. Чихачев писал, что юрты качинцев: «приятно поражали издали, имели радостный и свежий вид». Он приводит данные о количестве юрт (4541) и изб (267) на общее число жителей (19722), что составляет на одно жилище около четырех человек [12. С. 207].

⁹ Путешествовавший П.А. Чихачев в 1842 г. по маршруту из Барнаула через Хакаско-Минусинский край упоминает о хижинах, построенных наподобие русских изб в районе р. Джебаш [12. С. 202]. Причем в контексте не понятно, возникли ли они под влиянием русской культуры или нет.

¹⁰ Маршруты П.С. Палласа, И.Г. Гмелина пролегли по ХМК от устья р. Абакан (вблизи г. Минусинска), но в отличие от них П.А. Чихачев, например, путешествовал в регионе от верховьев р. Абакан (таежная часть).

¹¹ К югу от г. Красноярска были найдены остатки деревянного рубленного дома 4×4 с остатками тагарской керамики. Устройство кровли, как наиболее сложноподдающейся реконструкции части жилища, наряду с его параметрами и планиграфией, к сожалению, проследить не удалось [36. С. 167].

¹² И.Л. Кызласов, использовавший археологические данные отмечал, что жилище «тура» относится еще к дотюрскому южносибирскому типу построек [10. С. 15]. На наш взгляд, отмеченные нами: срубные традиции погребальных камер археологических культур Саяно-Алтая, изображения жилищ срубного вида на петроглифах Бояр, немногочисленные останки жилищ срубного типа тагарского населения региона свидетельствуют о традиции бытования срубных жилых построек типа *тура*. Эта традиция археологических эпох могла войти в культуру хакасов, о чем свидетельствует анализ приведенного нами в статье материала, что еще раз укрепляет предположение об автохтонности жилища *тура*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан : Хакаское книжное издательство, 1957. 308 с.
2. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. II. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. СПб. : Имперская АН, 1799. 246 с.

3. Козьмин Н.Н. Избранные труды : Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д.А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / сост. В.К. Чертыков, С.А. Угдыжеков. Абакан : «Журналист», 2010. 311 с.
4. Костров Н. Кизильские татары. Казань, 1853. 36 с.
5. Кузнецова А.А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск : Типография Енисейского губернского управления, 1898. 213 с.
6. Шибаева Ю.А. Хакасское жилище. ХакНИИЯЛИ, Рук. Фонд № 352. 140 с.
7. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан : Хакасское областное государственное изд-во, 1952. 220 с.
8. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
9. Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан : УПП «Хакасия», 1995. 268 с.
10. Кызласов И.Л. Пратюрские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва–Самара, 2005. 96 с.
11. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан : Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. 88 с.
12. Чихарёв П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М. : Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. 360 с.
13. Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народов России. М. : Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 1896. 132 с.
14. Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М., Л. : Изд-во АН СССР. 1961. С. 131–226.
15. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. № 4. 1976. С. 42–62.
16. Тошачова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX– начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1978. 160 с.
17. Тихонов С.Н. Традиционные жилища алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1984. С. 55–64.
18. Соколова З.П. Жилища народов Сибири (опыт типологии). М. : Изд.-полигр. агенство «ТриЛ», 1998. 284 с.
19. Бутанаев В.Я. Будни и праздники тюрков Хонгорая. Абакан : ООО «Журналист». 2014. 316 с.
20. Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
21. Вяткина К.В. Очерки культуры и быта бурят. Л. : Наука, 1969. 218 с.
22. Карцов В.Г. Некоторые особенности могильных сооружений и обряда погребения в тагарских курганах близ улуса Сагай // УЗ ХакНИИЯЛИ. Вып. VIII. 1960. С. 169–181.
23. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-литография Императорского Казанского университета, 1897. 104 с.
24. Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Этнографические очерки. Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1989. 189 с.
25. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 92 с.
26. Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1948. 73 с.
27. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 359 с.
28. Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // Советская археология. 1956. Т. 26. С. 204–230.
29. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 190 с.
30. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (Ак-Алахиинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 125 с.
31. Мильников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 232 с.
32. Дзвлет Е.Г., Дзвлет М.А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М. : ИА РАН, 2011. 382 с.
33. Прищепа Е.В. Сопоставление изображений жилищ Боярских писаниц с особенностями традиционных жилищ и образом жизни населения Хакасско-Минусинского края в XVIII–XX веках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. 2017. Т. 16, № 3. С. 108–116.
34. Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Живая старина–III. Книга для чтения по историческому краеведению (XIX – начало XX века). Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2010. С. 101–126.
35. Готлиб А.И., Зубков В.С., Поселянин А.И., Худяков Ю.С. Археология Хакасско-Минусинского края. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2003. 224 с.
36. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири : матер. и исслед. по археологии. Вып. 9. М.–Л. : АН СССР, 1949. 364 с.
37. Мартынов А.И. Новые материалы о тагарско-таштыкских поселениях и жилищах // Советская археология. 1973. № 3. С. 163–173.
38. Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
39. Абсалимов М.Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Вып. 9. Кемерово : КемГУ, 1977. С. 34–42.
40. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 207 с.
41. Вадецкая Э.Б. Имитации мертвых для продления их жизни // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сб. ст. / под ред. П.К. Дашковского. Барнаул : Азбука, 2007. Вып. I. С. 66–80.
42. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
43. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2007. 282 с.
44. Кызласов И.Л. Новые поиски в алтаистике. II. Археологические разработки // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2009. С. 95–130.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 января 2018 г.

ON THE GENESIS OF THE KHAKASS DWELLING “TURA”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 433, 90–98.

DOI: 10.17223/15617793/433/12

Yevgeny V. Prishchepa, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: prishchepa@mail.ru

Keywords: Khakass-Minusinsk region; traditional dwellings of the Sayan-Altai peoples; “tura”; log yurt; dwellings of the Tagar population; Khakass; Russians.

The article is devoted to the issue of the genesis of autochthonic types of dwellings of the indigenous people of the Khakass-Minusinsk region – the Khakass. The established opinion about the borrowing of the log type of dwelling from the alien Russian population and its distribution in Southern Siberian peoples’ culture is crucial in Russian ethnography. The historically prevailing nomadic life style which led to the distribution of a yurt as the basic type of dwelling, and lack of direct evidence of the existence of dwellings of a stationary log type is the reason for the domination of this opinion. However, the diverse natural and climatic conditions of the Khakass-Minusinsk region had to lead to the development of dwellings of a wooden type, in particular their distribution in taiga areas of the natives’ accommodation. The author comes to an idea that lack of data in travelers’ descriptions about such types of dwellings was caused by routes of expeditions that excluded areas of their existence, and interest first of all in yurts as the more

widespread type of dwellings in the steppe part of the region. Since the beginning of the 18th century the construction of Cossack forts and the subsequent distribution of log huts of a Russian type in the region led to the use of the word “tura” to designate these constructions. The word already existed in the Khakass culture and was habitual for them because of the similarity of their traditional autochthonic dwellings to the new objects of material culture of the people who arrived in the region. The author believes that a log construction, a single-chambered carcass, a lack of a garret roof, earthen (or board) floors, the heating system of a chuval (“sool”) type should be considered as typical features of the Khakass autochthonic dwelling of a tura type. The building of such dwelling assumed use of special carpenter’s tools, one of which was the Khakass small axe “kuruk”. The Khakass funeral log constructions, which in the majority of their features repeated the construction of real dwellings of a tura type, testify to the existence of log autochthonic dwellings as well. This corresponds to the common tradition for all indigenous ethnic groups of the Sayan-Altai. The author considers that dwellings of a log type of peoples of archaeological eras of the early Iron Age are also similar to the Khakass log dwellings, and historically similar characteristics of a way of life, economic activities and climatic conditions of the region contributed to their distribution among peoples living during different eras in the Khakass-Minusinsk region. The author comes to a conclusion that the Khakass log wooden single-chambered heated dwellings of a “tura” type and polygonal yurts, without a garret roof and with an earthen floor must be considered autochthonic both for the Khakass and for all indigenous peoples of the Sayan-Altai. The materials given in the article on the basis of sources on wooden architecture – archaeological, ethnographic and written ones – allow chronological dating of the existence of such dwellings in the region to the period of the 18th century.

REFERENCES

1. Potapov, L.P. (1957) *Proiskhozhdenie i formirovaniye khakasskoy narodnosti* [Origin and formation of the Khakass people]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.
2. Georgi, I.G. (1799) *Opisanie vseh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhiteyskikh obryadov, ver, obyknoveniy, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostey* [Description of all peoples inhabiting the Russian state, as well as their everyday rituals, faiths, traditions, dwellings, clothes and other memoria]. Pt. II. St. Petersburg: Imperskaya AN.
3. Koz'min, N.N. (2010) *Izbrannye trudy: Khakasy. Tuba. Knyaz' Irenak. D.A. Klements i istoriko-etnograficheskie issledovaniya v Minusinskom krae* [Selected works: The Khakass. Tuba. Prince Irenak. D.A. Klements and historical and ethnographic studies in the Minusinsk region]. Abakan: “Zhurnalst”.
4. Kostrov, N. (1853) *Kizil'skie tatary* [The Kizil Tatars]. Kazan: V tipografii Gubernskogo pravleniya.
5. Kuznetsova, A.A. (1898) *Zhilishcha, odezhda i pishcha minusinskikh i achinskikh inorodtsev* [Dwellings, clothes and food of the Minusinsk and Achinsk non-Russians]. Krasnoyarsk: Tipografiya Eniseyskogo gubernskogo upravleniya.
6. Khakass Research Institute of Language, Literature and History. Manuscript Fund 352. Shibaeva, Yu.A. (n.d.) *Khakasskoe zhilishche* [The Khakass dwelling].
7. Potapov, L.P. (1952) *Kratkie ocherki istorii i etnografii khakasov (XVII–XIX vv.)* [Brief essays on the history and ethnography of the Khakass (17th–19th centuries)]. Abakan: Khakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe izd-vo.
8. Subrakova, O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [A Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
9. Butanaev, V.Ya. (1995) *Toponimicheskiy slovar' Khakassko-Minusinskogo kraya* [A toponymic dictionary of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan: UPP “Khakasiya”.
10. Kyzlasov, I.L. (2005) *Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie sayano-altayskikh drevnostey* [Proto-Turk dwellings. A survey of Sayan-Altai antiquities]. Moscow; Samara: Ofort.
11. Patachakov, K.M. (1982) *Ocherki material'noy kul'tury khakasov* [Essays on the material culture of the Khakass]. Abakan: Khakasskoe otdelenie Krasnoyarskogo knizhnogo izd-va.
12. Chikharev, P.A. (1974) *Puteshestvie v Vostochnyy Altay* [A journey to the Eastern Altai]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izd-va “Nauka”.
13. Kharuzin, N. (1896) *Istoriya razvitiya zhilishcha u kochevykh i polukochevykh tyurkskikh i mongol'skikh narodov Rossii* [The history of the development of the dwellings of the nomadic and semi-nomadic Turkic and Mongolian peoples of Russia]. Moscow: Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson.
14. Popov, A.A. (1961) *Zhilishche* [Dwelling]. In: Levin, M.G. & Potapov, L.P. (eds) *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and ethnographic atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
15. Vaynshteyn, S.I. (1976) *Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Evrazii* [Problems of the history of the dwelling of the steppe nomads of Eurasia]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 42–62.
16. Toshchakova, E.M. (1978) *Traditsionnye cherty narodnoy kul'tury altaytsev (XIX– nachalo XX v.)* [Traditional features of the national culture of the Altaians (19th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
17. Tikhonov, S.N. (1984) *Traditsionnye zhilishcha altaytsev* [Traditional dwellings of the Altaians]. In: Gemuev, I.N. (ed.) *Etnografiya narodov Sibiri* [Ethnography of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
18. Sokolova, Z.P. (1998) *Zhilishche narodov Sibiri (opyt tipologii)* [The dwelling of the peoples of Siberia (experience of typology)]. Moscow: Izd.-poligr. agentstvo “TrIL”.
19. Butanaev, V.Ya. (2014) *Budni i prazdniki tyurkov Khongoraya* [Weekdays and holidays of the Khongoray Turks]. Abakan: OOO “Zhurnalst”.
20. Sodnompilova, M.M. (2009) *Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatelnosti mongol'skikh narodov* [The world in the traditional worldview and practical activities of the Mongolian peoples]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
21. Vyatkina, K.V. (1969) *Ocherki kul'tury i byta buryat* [Essays on the culture and life of the Buryat]. Leningrad: Nauka.
22. Kartsov, V.G. (1960) *Nekotorye osobennosti mogil'nykh sooruzheniy i obryada pogrebeniya v tagarskikh kurganakh bliz ulusa Sagay* [Some peculiarities of grave constructions and burial rites in the Tagar mounds near the Sagai ulus]. *UZ KhakNIYaLI*. VIII. pp. 169–181.
23. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sentyabrya 1896 goda v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the trip from May 15 to September 1, 1896, in the Minusinsk District of the Yenisei Province]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo Kazanskogo universiteta.
24. Kimeev, V.M. (1989) *Shortsy. Kto oni? Etnograficheskie ocherki* [The Shors. Who are they? Ethnographic essays]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo.
25. Gryaznov, M.P. (1950) *Pervyy Pazyrykskiy kurgan* [The first Pazyryk mound]. Leningrad: Gos. Ermitazh.
26. Rudenko, S.I. (1948) *Vtoroy Pazyrykskiy kurgan* [The second Pazyryk mound]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha.
27. Rudenko, S.I. (1960) *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [The culture of the population of Central Altai in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
28. Semenov, S.A. (1956) *Obrabotka drevna na drevnem Altaye* [Wood processing in the ancient Altai]. *Sovetskaya arkheologiya*. 26. pp. 204–230.
29. Kubarev, V.D. (1991) *Kurgany Yustya* [Mounds of the Yustyt]. Novosibirsk: Nauka.
30. Polos'mak, N.V. (1994) *“Stereushchie zoloto gryfy” (Ak-Alakhinskie kurgany)* [“Vultures watching the gold” (Ak-Alakha mounds)]. Novosibirsk: Nauka.

31. Myl'nikov, V.P. (1999) *Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoy kul'tury* [Wood processing by representatives of the Pazyryk culture]. Novosibirsk: IAE SB RAS.
32. Devlet, E.G. & Devlet, M.A. (2011) *Sokrovishcha naskal'nogo iskusstva Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Treasures of rock art of North and Central Asia]. Moscow: IA RAS.
33. Prishchepa, E.V. (2017) Comparison of dwellings depicted in boyar petroglyphs with traditional dwellings of the Khakass-Minusinsk region locals and their way of life in 18th–20th centuries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 16(3). pp. 108–116. (In Russian).
34. Karatanov, I. (2010) Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the external life of the Kachin Tatars]. In: Burov, V.F. (ed.) *Zhivaya starina–III. Kniga dlya chteniya po istoricheskomu kraevedeniyu (XIX – nachalo XX veka)* [Living Antiquity–III. A book for reading on historical regional studies (19th – early 20th centuries)]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izd-vo.
35. Gotlib, A.I., Zubkov, V.S., Poselyanin, A.I. & Khudyakov, Yu.S. (2003) *Arkheologiya Khakassko-Minusinskogo kraya* [Archeology of the Khakass-Minusinsk region]. Abakan: Khakass State University.
36. Kiselev, S.V. (1949) *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri: mater. i issled. po arkheologii* [Ancient history of Southern Siberia: materials and studies on archeology]. Is. 9. Moscow; Leningrad: USSR AS.
37. Martynov, A.I. (1973) Novye materialy o tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh i zhilishchakh [New materials on Tagar-Tashtyk settlements and dwellings]. *Sovetskaya arkheologiya*. 3. pp. 163–173.
38. Martynov, A.I. (1979) *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [The forest steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Naukas.
39. Absalyamov, M.B. (1977) O tipakh zhilishch na tagarskikh i tagarsko-tashtykskikh poseleniyakh [On the types of dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk settlements]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri*. 9. pp. 34–42.
40. Kyzlasov, L.R. (1979) *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century)]. Moscow: Moscow State University.
41. Vadetskaya, E.B. (2007) Imitatsii mertvykh dlya prodleniya ikh zhizni [Imitations of the dead for the extension of their life]. In: Dashkovskiy, P.K. (ed.) *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v istoricheskoy retrospektive* [The worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in a historical retrospect]. Is. 1. Barnaul: Azbuka.
42. Polos'mak, N.V. (2001) *Vsadniki Ukoka* [The horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press.
43. Kubarev, V.D. & Shul'ga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [The Pazyryk culture (the Chuya and the Ursul burial mounds)]. Barnaul: Altai State University.
44. Kyzlasov, I.L. (2009) Novye poiski v altaistike. II. Arkheologicheskie razrabotki [New searches in the Altai studies. II. Archaeological developments]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University.

Received: 28 January 2018